

Ф. П. ФИЛИН

ОБ ИСТОКАХ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Вопрос о начальных истоках русского литературного языка имеет давнюю историю. Еще в эпоху средневековья возникали споры по поводу языковой ситуации на Руси. Н. И. Толстой в своем докладе «Древние представления о диалектной основе церковнославянского языка» в результате анализа высказываний древних писцов и переводчиков пришел к выводу, что «восточные славяне осознавали не только противопоставленность разговорнорусского и церковнославянского языков, но и южнославянское происхождение последнего»¹. Начиная с XVIII в. вплоть до наших дней дискуссии о происхождении русского литературного языка ведутся почти непрерывно, то затухая, то вспыхивая с новой силой. Можно сказать, что в данном случае мы имеем дело с одной из так называемых вечных проблем русистики и славистики, окончательное решение которой еще не близко².

Новая волна споров поднялась в тридцатых годах в Институте языка и мышления АН СССР в Ленинграде в связи с выступлениями в печати С. П. Обнорского. На многочисленных заседаниях лингвисты разделились на два лагеря: защитников концепции А. А. Шахматова (Л. В. Щерба и его сторонники) и противников этой концепции (С. П. Обнорский, Л. П. Якубинский и др.). К сожалению, стенографических записей дискуссий не велось, не осталось и сколько-нибудь обстоятельных протоколов заседаний, а воспроизводить содержание споров по памяти — дело крайне рискованное. Все же главный предмет дискуссий можно определить точно: сколько литературных языков было в древней Руси: один или два? Согласно господствовавшей до того времени концепции А. А. Шахматова, в древней Руси был один и единый литературный язык, болгарский по своему происхождению, но с течением времени подвергавшийся постепенной русификации. В пользу этой гипотезы говорило многое. Книжность на Руси появляется (по-видимому, в конце IX — начале X в.) в связи с проникновением в восточнославянскую среду христианской религии, массовое распространение которой начинается с конца X в. По известным подсчетам Б. В. Сапунова (конечно, приблизительным), с конца X в. по 1240 г. на восточнославянской территории было построено около 10 000 церковных зданий, для одновременного обслуживания которых нужно было иметь минимум 85 000 церковных книг, а за 250 лет количество этих книг должно исчисляться сотнями тысяч³. По более ранним данным Н. В. Волкова 99% дошедших до нас книг XI—XIV вв. — книги церков-

¹ Хроникальное сообщение см.: ИАН ОЛЯ, 1973, 5, стр. 477.

² Обзор литературы вопроса см. в статье: В. Д. Леви́н, А. Д. Григорьева, Вопрос о происхождении и начальных этапах русского литературного языка в русской науке, «Уч. зап. МГПИ им. Потемкина», 51, 1956.

³ Б. В. Сапунов, Некоторые соображения о древнерусской книжности XI—XIII вв., «Труды отдела древнерусской литературы», XI, М. — Л., 1955.

но-религиозного характера⁴. Открытие новых древнерусских рукописей в XX в. мало изменило соотношение церковных и светских книг. Разве что, как полагает Л. П. Жуковская, предполагаемое количество книг в древней Руси должно быть удвоено⁵.

Язык канонических и прочих богослужебных книг у всех православных славян (восточных и южных) был единым. Конечно, в него проникали местные особенности и тем самым создавались различные его «редакции», но от этого единство его не разрушалось. Церковнославянский язык разных редакций обслуживал литературные нужды славян вплоть до XVIII в. Перерыва языковых традиций у русских не было, хотя в XVIII в. русский литературный язык претерпел значительные изменения, в частности, под воздействием западноевропейских языков. Что касается одного процента книг XI—XIV вв. светского содержания, то этим процентом можно пренебречь, а преобладание русской народной языковой стихии в таких памятниках, как летописи, светские части сочинений Владимира Мономаха и др., можно объяснять как процесс русификации старославянской (древнеболгарской) языковой основы. Все это как будто решительно свидетельствует в пользу гипотезы А. А. Шахматова.

Противоположную точку зрения выдвинул С. П. Обнорский. Как известно, по С. П. Обнорскому, в древней Руси был не один, а два генетически близких, но самостоятельных литературных языка: собственно древнерусский литературный язык с народно-разговорной основой, который и является непосредственным родоначальником современного русского литературного языка, и древнецерковнославянский литературный язык русской редакции (с древнеболгарской основой), обслуживавший главным образом нужды церкви и всей религиозной культуры, несомненно игравшей очень большую роль в жизни средневекового русского общества. Собственно древнерусский литературный язык возник совершенно независимо от древнецерковнославянского языка (прежде всего, на новгородском севере) и начал испытывать определенное воздействие со стороны последнего лишь с конца XIV в., когда началось так называемое второе южнославянское влияние.

Теория С. П. Обнорского одно время имела большой успех и получила широкое распространение в нашей стране. Однако она подверглась суровой критике со стороны В. В. Виноградова, А. М. Селищева, Б. О. Унбегауна и некоторых других лингвистов. А. М. Селищев, Б. О. Унбегаун и их последователи продолжали развивать идеи А. А. Шахматова. Особенно далеко на этом пути зашел Б. О. Унбегаун, который считал, что в синтаксисе и в очень большой степени в лексике и словообразовании современный русский литературный язык продолжает оставаться церковнославянским, из Болгарии пересаженным на русскую почву. Иную позицию занял В. В. Виноградов. С его точки зрения, в древней Руси существовал один литературный язык с двумя разновидностями или типами: книжнославянским (древнеболгарским в своей основе) и литературно-разговорным (восточнославянским в своей основе), между которыми на протяжении веков происходили сложные процессы взаимодействия; вопрос о том, какому из них принадлежала ведущая роль в этих процессах, однако, не ставится (в самом общем виде им высказывалась, впрочем, мысль, что ведущим был церковнославянский язык).

⁴ Н. В. Волков, Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV веков и их указатель, «Памятники древнерусской письменности», 123, 1897, стр. 38—40.

⁵ Л. П. Жуковская, Типология рукописей древнерусского полного апокрифа XI—XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их, «Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология», М., 1968, стр. 203.

С моей точки зрения, критики положений С. П. Обнорского во многом правы. В его теории действительно обнаруживаются уязвимые места, о чем в свое время писал и автор настоящих строк⁶. Во-первых, совершенно очевидно, что древнерусская письменность по своему происхождению неотделима от письменности старославянской: попытки доказать ее независимое происхождение не имеют под собой никаких фактических оснований. Само письмо пришло к нам из Болгарии вместе с распространением христианства. Что собою представляли первобытные славянские «черты и резы», о которых упоминает черноризец Храбр, мы не знаем. Во-вторых, аргументация С. П. Обнорского о цельности самобытного древнерусского литературного языка — стройность и выдержанность системы прошедших времен (аориста, имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта), тройственного деления форм числа, системы именного склонения, особенности синтаксиса и т. п. — неубедительна, так как все указываемые им языковые черты представлены и в генетически близком старославянском языке. В-третьих, наличие известной доли церковнославянизмов в оригиналах (а не в поздних списках) «Русской Правды» краткой редакции, «Слова о полку Игореве», «Моления Даниила Заточника» и сочинений Владимира Мономаха, на анализе языка которых основывал свою концепцию С. П. Обнорский, тоже не подлежит никакому сомнению. Следовательно, его тезис лишь о позднем воздействии церковнославянского языка на собственно древнерусский литературный язык фактически не подтверждается. И все же теория С. П. Обнорского сыграла свою полезную роль, и сторонникам гипотезы А. А. Шахматова торжествовать рано. Для всех очевидно, что язык «Русской Правды», «Вкладной Варлаама Хутынского монастырю» после 1192 г., «Договора великого князя Александра Ярославича Невского и новгородцев с немецкими послами» (написанного между 1257 и 1263 гг.), «Договора смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригию и Готским берегом» 1229 г. и многих других документов деловой письменности XI—XIV вв. не тот, что язык канонических и иных богослужебных книг. В основе языка деловой письменности лежит народная древнерусская речь, церковнославянизмы в нем встречаются спорадически, прежде всего в формулах зачина и других торжественных местах. Наличие особого языка деловой литературы никак не укладывается в рамки единого древнерусского литературного языка. Как быть с этим противоречием? Для С. П. Обнорского такого противоречия не существовало: он отрицал единство языка древнерусской письменности, считал, что было два литературных языка, и язык деловых документов объединял с языком «Слова о полку Игореве», «Моления Даниила Заточника» и сочинений Владимира Мономаха в единый собственно древнерусский литературный язык.

А. А. Шахматов, В. В. Виноградов, Б. О. Унбегаун и их последователи поступают иначе: они не считают язык древнерусской деловой письменности **литературным**, выводят его за пределы литературного языка, полагая, что в деловых документах представлена лишь письменная фиксация особой **разновидности** древнерусской разговорной речи. И в этом утверждении заключается ахиллесова пята всей на первый взгляд стройной шахматовской концепции. Встает общий вопрос, что же представляет собой литературный язык, каковы его отличия от внелитературных языковых разновидностей. Сторонники А. А. Шахматова и В. В. Виноградова иногда высказывают мысль, что литературный язык — это

⁶ Ф. П. Ф и л и н, Акад. С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, «Вестник ЛГУ», 1947, 10.

язык литературы, предназначенный для чтения, а не для практических нужд жизни, это прежде всего произведения художественные, исторические, научные, публицистические, для древнерусского периода и религиозно-дидактические. «Русская Правда» — это не литература для чтения, то же можно сказать и о новгородских берестяных грамотах⁷. Конечно, далеко не все письменные фиксации речи можно относить к разряду литературного языка. Письма малограмотных древних новгородцев (такие имеются среди берестяных грамот), как и современных малограмотных людей, записи диалектной речи и прочие документы подобного рода никто не будет определять как написанные на литературном языке. Но «Русская Правда», договоры древнерусских князей и прочие аналогичные памятники писались не малограмотными людьми, а профессиональными образованными писцами. Писались они для практических целей? Несомненно. Однако, как указывает современный крупнейший знаток древнерусской литературы Д. С. Лихачев, все виды древнерусской письменности были предназначены для практических целей. «Произведений, предназначавшихся просто для занимательного чтения, было сравнительно немного»⁸. Летописи, например, были важны для внутренней и внешней дипломатии, в которой исторические справки играли очень большую роль. Все канонические и религиозно-дидактические произведения имели сугубо практическое назначение: обслуживание религиозной обрядности, пропаганду и утверждение христианских догматов и идей. Элементы научных знаний о природе и обществе подавались в рамках христианской культуры, предназначались для ее распространения. Само понятие литературы «просто для чтения» крайне неопределенно и расплывчато. Одним из ее внешних признаков может быть распространенность произведения среди читателей. Однако тут мы сталкиваемся с весьма противоречивыми фактами.

Сочинения Владимира Мономаха, принадлежность которых к собственно литературе никто не отрицает, дошли до нас в единственном экземпляре в Лаврентьевском списке летописи 1377 г. Великое произведение древнерусской художественной литературы «Слово о полку Игореве» тоже стало известно по единственному списку XVI в. Мы не знаем, во скольких экземплярах были распространены эти и другие им аналогичные произведения в древней Руси, каков был их «читательский коэффициент». Между тем «Русская Правда» сохранилась в большом количестве списков, ее читали в течение ряда веков. Деловой документ «Уложение» 1649 г. был отпечатан в 2400 экземплярах, и его тираж разошелся за очень короткий срок. Следовательно, критерий «просто для чтения» или «для практических надобностей» совершенно не подходит для определения границ литературного языка. Деловая литература очень широко представлена и в наше время, но ведь никто не будет отрицать, что она написана на нормативном литературном языке, составляет один из его многочисленных жанров. Так обстоит дело теперь, так было и всегда, с тех пор как возникла письменность.

Некоторые лингвисты делят письменные произведения на литературно обработанные, с богатой традицией, и литературно не оформленные, без традиций. Так поступает, например, М. Кравар, который относит к первому разряду церковно-богослужебные произведения, а ко второму «Русскую Правду», все договоры, грамоты (в том числе новгородские

⁷ Ср.: А. И. Горшков, История русского литературного языка, М., 1969, стр. 10.

⁸ Д. С. Лихачев, Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили, Л., 1973, стр. 50.

берестяные), письма и т. п.⁹. Признак обработанности и традиционной преемственности, несомненно, является важным для определения сущности литературного языка. Однако совершенно прав С. И. Котков, который считает, что деловая литература очень разнообразна и ее нельзя рассматривать как нечто безликое, одинаковое в жанровом и лингвистическом отношении¹⁰. «Русская Правда» уходит своими корнями в древнее обычное право, с его многовековой историей, устными традиционными формулами. Язык его был неразрывно связан с диалектами, но в то же время он имел и наддиалектный характер, поскольку нормы устного права были межплеменными. Когда «Русская Правда» была зафиксирована на письме, ее язык был уже традиционен, обработан, заключал в себе многовековую языковую культуру. Конечно, традиции языка богослужебной литературы и языка «Русской Правды», договоров и некоторых других видов деловой письменности были различными, но это уже другой вопрос.

То же можно сказать и о языке фольклора. Функции фольклора в разные исторические эпохи изменялись. Как указывает Д. С. Лихачев, в новое время фольклор — словесное искусство трудового народа. Иным было положение в средние века (и тем более в доклассовом обществе). В средние века фольклор обслуживает все слои населения, включая княжеско-боярские верхи. В древней Руси устные музыкальные словесные произведения исполнялись на пирах у князей и вельмож, на похоронах князей («славы» и «плачи»). В ходу были исторические произведения, пословицы и поговорки, произведения шутливые и произведения, связанные с языческими обрядами, весьма вероятно, и сказки. «Фольклор был и остался если не языческим, то по крайней мере не христианским»¹¹. Письменная литература не удовлетворяла всех потребностей общества в художественном слове, в частности, в ней очень слабо отражалась лирика. Почти полное отсутствие в письменности лирики и поэзии пополнялось фольклором. То же можно сказать и о развлекательности. Фольклор и письменность дополняли друг друга, их существование друг без друга было немыслимо, хотя они не смешивались между собой. Фольклорные произведения в письменности лишь излагались, перекладывались, но до XVII в. не записывались, так как в их записях не было нужды. В то же время и в письменности, и в фольклоре имеется общее генетическое наследство — в традиционных образах, сравнениях, метафорах, символах. И там и здесь действительность сравнивается с морем, человеческая жизнь с кораблем, житейские волнения с волнами и т. д., и т. п. Фольклорные приемы наличествуют в «Слове о полку Игореве», в летописях, в сочинениях Владимира Мономаха, «Слове о гибели русской земли» и многих других произведениях¹². Иначе говоря, фольклор в древней Руси выполнял многие важные функции современной художественной литературы. Язык его был несомненно обработан и имел весьма длительные традиции. Связанный с диалектами, он включал в себя и много наддиалектных особенностей, что многократно отмечалось его исследователями. Можно ли исключить язык фольклора из понятия литературного языка только на том основании, что он не был письменно оформлен?

Литературный язык — понятие широкое. Его состав и структура в разные исторические периоды неодинаковы. Современный русский литературный язык со времен его основателя А. С. Пушкина формировался

⁹ М. К р а в а р, О двуязычном характере древнерусской письменности, «Симпозиум 1100-годищина од смртта на Кирил Солунски», кн. 1—2, Скопје, 1970.

¹⁰ С. И. К о т к о в, О памятниках народно-разговорного языка, ВЯ, 1972, 1, стр. 44—45.

¹¹ Д. С. Л и х а ч е в, указ. соч., стр. 45.

¹² Там же, стр. 49.

прежде всего в лаборатории художественного творчества. Но и во времена А. С. Пушкина он не сводился только к языку художественной литературы, обслуживая все научные, культурные и государственные нужды русской нации. Во второй половине XIX в. наряду с художественной литературой в его развитии огромную роль начинают играть научные сочинения и публицистика. Современный русский литературный язык имеет весьма сложную структуру и разнообразные связи с другими разновидностями русского языка¹³. В древнерусскую эпоху ситуация была иной, но все же между любыми типами литературного языка должно иметься нечто общее; иначе мы не имеем права употреблять сам термин «литературный язык» применительно к разным временам. Между прочим, к такому выводу и приходят некоторые лингвисты (например, А. В. Исаченко), утверждая, что до XIX в. на Руси вообще не было литературного языка. Литература существовала, а литературного языка не было — такие парадоксы вряд ли можно принимать всерьез. Литературный язык представляет собой объективно существующую (или существовавшую) лингвистическую систему, обычно письменно зафиксированную, обслуживающую политические, идеологические, экономические, эстетические и иные культурные нужды данного общества, имеющую свои нормы и традиции, литературно узаконенные с началом письменности и противостоящие тенденциям диалектного дробления, заложенным в необработанной обиходно-бытовой речи.

М. М. Гухман считает, что «основными универсальными признаками литературного языка являются обработанность, конвенциональность, известная степень наддиалектности», что «литературный язык — это не только книжно-письменная речь, но и язык устной эпической поэзии, устного народного права»¹⁴. С этим вполне можно согласиться, но с одним существенным дополнением: нельзя вести историю литературного языка с первобытных эпох, когда не было никакого понятия о письменности, а зачатки устной поэзии и устного права уже имелись. Литературный язык начинается со времен возникновения и развития письменности. В древнюю Русь был трансплантирован из Болгарии старославянский (древнеболгарский в своей основе) письменный язык, обслуживавший прежде всего нужды христианской религии. Кирилловская письменность была использована и для фиксации деловых нужд общества. Очень трудно утверждать, что язык Остромирова евангелия и язык «Русской Правды» тождественны, так как различия между ними очевидны. Возникло два письменных литературных языка, близкородственных, но самостоятельных. Письменная литература существенно дополнялась устным обработанным языком народной поэзии, устного права и, вероятно, наддиалектных разговорных языковых койне крупных городских центров. Устные языковые «дополнения» к языку письменности приобретали с введением письменности статус литературности, поскольку древняя Русь не могла обходиться ни без того, ни без другого. В культурном языковом конгломерате появилось два члена противопоставления, без чего не было бы самого конгло-

¹³ Подробно об этом см.: Ф. П. Филин, О структуре современного русского литературного языка, ВЯ, 1973, 2, стр. 3—12.

¹⁴ М. М. Гухман, Соотношение литературного языка и диалекта в донациональный период, «Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений (Ереван, 2—5 октября 1973)», М., 1973, стр. 170.

мерата: письменный и устный литературные языки. До возникновения такого противопоставления вряд ли можно говорить о литературном языке, иначе мы потеряем в его определении всякие границы и будем вынуждены предполагать наличие литературного языка у людей древнекаменного века, которые тоже обладали известной долей творческой фантазии и некоторыми общественными институтами. Таким образом, начало литературного языка следует связывать с моментом возникновения письменности и ее совместного существования с бесписьменной традицией.

Возвращаясь к проблеме языка деловой литературы, мы со всем основанием можем утверждать, что этот язык был языком литературным, поскольку он был обработан, нормирован (конечно, в меньшей степени, чем современный литературный язык), выполнял важные государственные функции. «Русская Правда» была сводом законов для всей древней Руси на протяжении ряда веков. Так называемый «западнорусский» язык XIV—XVI вв. в своей деловой разновидности был государственным языком литовской, молдавской и валашской держав. В литературе Московской Руси формулы деловых документов стали использоваться как приемы художественного изображения. Хорошо известна роль языка московских приказов в формировании норм русского языка, органически вошедших позже в систему норм современного русского литературного языка. Важным исходным материалом современного немецкого литературного языка был язык средневековой немецкой деловой и публицистической литературы. Примеров такого рода можно было бы привести много.

Из сказанного с неизбежностью следует, что древнерусскую деловую письменность нельзя исключать из сферы литературного языка. А это означает, что гипотезы А. А. Шахматова, Б. О. Унбегауна (в древней Руси был один литературный язык, в основе своей древнеболгарский), В. В. Виноградова (был один литературный язык, распадавшийся на книжно-славянскую и народно-разговорную разновидности) и их последователей нуждаются в коренном пересмотре. Прав был С. П. Обнорский с его теорией двух литературных языков в древней Руси: перенесенного из Болгарии старославянского русской редакции и собственно древнерусского литературного языка, в основе своей народно-восточнославянского. К этому следует сделать, однако, ту существенную оговорку, что древнерусский литературный язык имел две разновидности: письменную и устную. Эта концепция подвергается критике со стороны тех лингвистов, которые подчеркивают общность всех славянских языков эпохи древней Руси и считают, что старославянский и древнерусский языки в сущности были не языками, а диалектами одного общеславянского языка, только применявшимися в разных сферах жизни. Р. И. Аванесов считает необходимым различать историко-этнический и функциональный подходы к старославянскому языку. Вкратце упомянув об историко-этническом подходе, он полностью переключает свое исследовательское внимание на функциональную точку зрения.

С этой точки зрения, старославянский язык «в равной степени принадлежит всем южным и восточным славянам (а в раннюю эпоху также и части западных славян) и не может считаться чем-то внешним или чужим по отношению к языку древних восточных славян»¹⁵. Подчеркивается общность старославянской и древнерусской фонетических

¹⁵ Р. И. Аванесов, К вопросам периодизации русского языка, «Славянское языкознание. VII международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации», М., 1973, стр. 6.

и фонологических систем, основного словарного состава, инвентаря словообразовательных морфем, морфологической системы и костяка синтаксической структуры. Если и есть различия между двумя языками, то они малосущественны, поэтому старославянский язык в древней Руси, как и у других славян, был своим, родным языком. Из этого следует вывод, что «специфика роли церковнославянского языка в истории русского литературного языка такова, что равно неприемлемо как утверждение о том, что русский литературный язык — это русифицированный церковнославянский язык (т. е. утверждение о „древнеболгарской“ его основе), так и утверждение о том, что русский литературный язык — это церковнославянизированный русский язык (т. е. утверждение о народной его основе)»¹⁶. Если это так, то различение историко-этнической и функциональной точек зрения излишне: старославянский язык был родным для восточных и южных славян языком.

Близкие к гипотезе Р. И. Аванесова позиции занимает Л. П. Жуковская. По ее мнению, в начальную эпоху древнерусской письменности отдельных славянских языков фактически не существовало, поэтому с уверенностью можно говорить о русском происхождении русского литературного языка. Язык Остромирова и Мстиславова евангелий — народный русский язык, только примененный в культово-религиозной сфере. Собственно церковнославянский язык на русской почве был искусственно создан в позднее время, а до этого его не существовало¹⁷.

О чем в таком случае спорить? Дискуссии, которые ведутся многими поколениями ученых, оказываются бесполезными. Разве что можно говорить о некоторых диалектных расхождениях (и то незначительных) в языке древнерусской и южнославянской письменности, взятой в целом во всех ее жанрах и разновидностях. Однако действительно ли в IX—XI вв. (и тем более позже) существовали только диалекты общеславянского языка, а самих славянских языков еще не было? Сравнительно-историческое языкознание не подтверждает этой точки зрения. В IX в., т. е. во время возникновения славянской письменности, славянские языки как самостоятельные, хотя и близкородственные, лингвистические единицы уже оформились, причем заметные различия между ними имелись на всех языковых уровнях. Как считает О. Н. Трубачев на основании данных подготавливаемого «Этимологического словаря славянских языков», в праславянском языке, существовавшем до IX в., имелось свыше десяти тысяч слов, непрямых и производных, из которых большое количество лексических единиц имело локальные ограничения в своем распространении. Независимо от О. Н. Трубачева к тем же выводам пришел Ф. Славский, согласно которому праславянский лексикон тоже имел около десяти тысяч мотивированных и немотивированных слов, причем время существования этих слов им определяется IV—V—VII—VIII веками. Словарных статей «Праславянского словаря» на буквы А — В, уже подготовленных, оказалось 896. Из 896 слов 397 оказались диалектизмами (44% всего словарного состава)¹⁸. Разумеется, к этим цифрам надо относиться с осторожностью и не придавать им абсолютного значения, но факт остается фактом: около половины лексики в праславянском языке было не общеславянской. Широко развернувшиеся в наше время историко-этимологические исследования приводят к нахождению все новых и новых лексических диалектизмов праславянского языка,

¹⁶ Там же, стр. 9.

¹⁷ Л. П. Жуковская, О некоторых проблемах истории русского литературного языка древнейшего периода, ВЯ, 1972, 5, стр. 67.

¹⁸ F. Sławski, Nad pierwszym tomem Słownika prasłowiańskiego, «Rocznik slawistyczny», XXXIV, 1, 1973, стр. 3 и сл.

составлявших сложную сеть лексических изоглосс. Естественно предположить, что в IX—XI вв., не говоря уже о более позднем времени, когда праславянский язык распался, происходило дальнейшее нарастание лексических расхождений на славянской языковой территории.

Создание Кириллом и Мефодием старославянской письменности привело к мощному воздействию на старославянский язык византийской лексики, вовсе чуждой славянской народной речи. По подсчетам Р. М. Цейтлин, в семнадцати исследованных ею памятниках X—XI вв., написанных в юго-западной и восточной Болгарии (т. е. памятниках древнеболгарского извода), оказалось 9616 слов, из них заимствованных из греческого языка 1778 слов, т. е. 18% всего словарного состава¹⁹. Всеми этими фактами нельзя пренебрегать, особенно если учитывать, что содержание передается прежде всего через лексику, лексически значимую часть слов. Язык — средство общения. Русские арготические языки имеют русскую грамматику, но они непонятны для непосвященных, так как их лексика резко отличается от общепринятого русского языка. Вспомним также щербовскую «глокую куздру», в которой мы легко устанавливаем русские грамматические формы, но если бы мы стали объясняться на такого рода искусственно созданных языках, мы не могли бы понять друг друга. Одним словом, при определении различий между языками показания лексики являются очень важными, если не определяющими.

Расхождения между славянскими языками интересующего нас времени в фонетической и грамматической системах были меньшими, чем в лексике, однако и на этих уровнях славянские языки уже проделали значительный путь от первичного праславянского состояния. Все основные изменения в фонетике и грамматике имели различную локальную отнесенность. Фонетические особенности каждого славянского языка и языковых групп (в том числе древнерусского и древнеболгарского) достаточно хорошо известны. Трансформация древних типов именного и местоименного склонения, глагольных классов и других грамматических явлений в различных славянских областях проходила неодинаково и неодновременно еще в дописьменную эпоху. Следовательно, ко времени возникновения письменности у славян единой языковой системы, в которой важнейшие инновации были бы одинаковыми, уже не существовало.

Кроме того, говоря о различиях между такими лингвистическими единицами, как язык и диалект, нельзя не учитывать и внешних обстоятельств. Уже в VI—VII вв. отдельные славянские языковые группы, занимавшие обширнейшие территории от Ильмена на северо-востоке до Лабы и Адриатики на западе и юго-западе, начинали формироваться в отдельные народности с зачатками классового расслоения и государственности. В IX в. эти народности уже сформировались. Как известно, при определении, чем является лингвистическая единица, нельзя ограничиваться только языковыми данными, иначе получится неправомерный отрыв языка от истории. Однако и собственно лингвистических фактов вполне достаточно, чтобы не считать тождественными старославянский (древнеболгарский) и древнерусский языки. Из этого следует вывод, что не зря поколения ученых спорили и спорят об этнических истоках русского литературного языка. И по происхождению, и по своей функции оба указанных языка были неодинаковыми. Иначе обстояло дело в древней Болгарии. Сформировавшийся там литературный язык, конечно, не во всем совпадал с народным, функции письменного и разговорно-народного

¹⁹ Р. М. Цейтлин, Лексика старославянского языка (опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X—XI вв.). АДД, М., 1973, стр. 9—10.

языков были неодинаковы (как и на Руси), но генетически оба языка совпадали (в отличие от древней Руси).

Разумеется, старославянский и древнерусский языки, являясь самостоятельными языковыми единицами, сохраняли близкородственные отношения. Близость славянских языков была очень серьезным фактором в деле успешного распространения старославянского языка разных редакций среди южного и восточного славянства. Можно вполне согласиться с Д. С. Лихачевым, который пишет: «...так называемый церковнославянский (я употребляю это название как вошедшее в русский язык и поэтому не могущее быть произвольно измененным) был языком национальным, болгарским по своему происхождению и национальным по своей функции, по выполняемой им роли. Благодаря своей болгарской основе этот язык был понятен повсюду среди славян гораздо лучше, чем латинский, арабский, санскрит, персидский или вэньянь среди объединяемых ими стран»²⁰. Однако решающими условиями для распространения того или иного языка за пределами его бытования являются не собственно языковые (лингвистическая близость или несходство), а историко-культурные обстоятельства. Старославянский язык был заменен латинским у западных славян и в то же время стал литературным языком у молдаван и валахов, где для широких слоев населения он был непонятен. Средневековая латынь распространялась в Западной Европе как степной пожар, оставаясь совершенно чуждой народным массам. История человеческого общества, включая и наше время, полна такого рода примерами.

В то же время очевидно, что книжные люди в древней Руси и в более поздние века свободно владели старославянским (церковнославянским) языком, создавали на этом языке оригинальные произведения различных жанров. Однако они осознавали его южнославянское происхождение. Для неграмотных (и малограмотных) масс древнерусского населения старославянский язык, конечно, был более понятен, чем любой другой неблизкородственный язык. Какова была степень его понятности, нам неизвестно. Во всяком случае, отдельные церковнославянизмы свободно проникали в народную речь. В русских говорах XIX—XX вв. обнаруживается немало церковнославянизмов (например, неполногласных форм), которые отсутствуют в современном литературном языке.

Итак, проблеме начальных истоков русского литературного языка предстоит еще решить, для чего потребуются много усилий. Объявить же ее несуществующей было бы по крайней мере неосмотрительно. Существующие гипотезы нас не удовлетворяют. И все же наиболее вероятным представляется предположение, выдвинутое Г. О. Винокуром²¹ и, независимо от него, автором настоящих строк²². В древней Руси, согласно этому предположению, существовало два письменных литературных языка: церковнославянский (старославянский русской редакции) и собственно древнерусский (главным образом, язык деловой литературы). Между этими языками с самого начала письменности происходят сложные процессы взаимодействия. В «Повести временных лет» и иных летописях, в «Слове о полку Игореве», «Молении Даниила Заточника», многих житиях оригинального происхождения, воинских повестях и некоторых иных произведениях происходит интенсивное смешивание древнерусизмов и церковнославянизмов, закладываются начала нового типа литературного языка, в котором происходит сплав разных языковых стихий. Эта языковая тенденция, то усиливаясь

²⁰ Д. С. Лихачев, указ. соч., стр. 41.

²¹ Г. О. Винокур, История русского литературного языка, в его кн.: «Избранные работы по русскому языку», М., 1959, стр. 44 и сл.

²² Ф. П. Филин, Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей), «Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена», 80, 1949, стр. 167—181.

то затухая, проходит красной чертой в языковой деятельности наших предков с X—XI по XVIII в. и подготавливает почву для современного русского литературного языка. Г. О. Винокур выделяет даже третий «тип» литературного языка, который создавался в результате взаимодействия церковнославянского и русского языков. Близкой точки зрения придерживаются Г. Хютль-Ворт²³, М. Кравар²⁴ и некоторые другие современные исследователи. Расхождения между ними заключаются в том, что они по-разному определяют роль двух языковых источников: русского и церковнославянского.

Представляется, что спор этот мог бы быть решен при помощи сравнения конечных результатов языкового развития. Существуют современный русский литературный язык, народные говоры (в записях XVIII—XX вв. — речь неграмотных масс населения, в наши дни — речь масс, успешно овладевающих литературным языком) и церковнославянский язык (если в XVIII в. он перестает быть литературным языком, то как церковный жаргон он сохраняется и теперь). К чему в своей основе (с вычетом многочисленных западноевропейских заимствований) современный литературный язык ближе, к диалектной речи (в ее архаической форме) или к церковнославянскому языку? Следует провести капитальные исследования в этой области. Однако даже поверхностное сравнение указанных лингвистических единиц ясно показывает, что главной определяющей основой современного русского литературного языка является русская народная речь, а церковнославянский язык был весьма существенным, но все же только дополнительным источником.

²³ Г. Х ю т л ь - В о р т, Спорные проблемы изучения литературного языка в древнерусский период, «Wiener slavistisches Jahrbuch», Achtzehnter Band, Wien, 1973.

²⁴ М. К р а в а р, указ. соч.